

День начался удачно. Обычно до обеда в кафе посетителей-то не бывает, но эти трое погуляли на славу. Закуски, шашлык, спиртное. Дело пойдет, и через полгода можно будет рассчитаться с долгами.

— Танюша, доча, — крикнула Елена Ивановна, — если хочешь, возьми себе кока-колы в подсобке.

Получив счет, один из тройки, прыщавый молодой человек, достал из кармана калькулятор, долго тыкал в кнопки и наконец радостно заявил:

— Ну вот, товарищ майор, обсчитала ровно вдвое.

Другой, вроде молодой, но с морщинистым лицом, предъявил побелевшей женщине удостоверение, а его помощник подошел к двери, перевернул табличку и щелкнул замком.

— Будем составлять протокол.

— Не надо, товарищи, — захлебнулась слезами Елена Ивановна. — Ну пожалуйста. У меня дочка иждивенка, мужа нет, долги огромные. Если меня уволят, мы пропадем...

— Да тебя не просто уволят, ты у меня сядешь. А дочку твою — в интернат, там из нее человека сделают.

Ноги у Елены Ивановны подкосились, и она рухнула на стул.

— Ладно, — смягчился майор. — Можем договориться.

— Я все-все для вас сделаю...

— Да ты-то нам на кой сдалась... — перебил ее третий, доселе молчавший брюнет с усиками. Таня вприпрыжку вбежала в бар и остановилась как вкопанная, увидев мать в слезах.

— ... Танечка, милая, ты должна сделать, что велят эти дяди. Я тебя умоляю, сделай все, что прикажут.

— Зачем?...

— Все-все делай, так надо. Иначе меня посадят в тюрьму.

Елена Степановна погладила ее по голове и вышла в подсобку. Таня вопросительно посмотрела на незнакомцев.

— Ну что стоишь, как дура? Раздевайся!

— Мама, мама! — закричала Таня.

Раскрылась дверь, женщина вошла широкими шагами и закатила дочери звонкую пощечину:

— Заткнись, стерва! Тварь неблагодарная! Будешь артачиться, морду разобью.

Таня окаменела.

— Иди-иди, теперь она будет послушной. Ведь будешь? — обратился к девочке майор, нагло ослабившись. — Да не бойсь, целкой останешься.

Таня кивнула.

... Когда на девочке остались одни трусики, она вопросительно подняла глаза.

— Тоже снимай, — подтвердил прыщавый.

Она стояла голая, как лягушонок. Недоразвитые грудки, и едва пробивающиеся волосики на лобке.

— Стань на колени, — велел брюнет. Они все трое сняли брюки и выпростали свои разбухшие члены.

Она подчинилась.

— Открой рот. Вот так, умница.

— Да она все умеет, — весело подхватил прыщавый. — Ты что, уже порнуху смотрела?

Не выпуская член, девочка что-то промычала и потрясла головой.

— Врешь, смотрела. Теперь яйца заглоти, только нежно...

Морщинистый первый кончил ей в рот. Сперма потекла по подбородку.

— Глотай, сука, это полезно.

Закапало на пол.

— Вылизывай быстро, и чтоб пол был чистый.

— Сначала мне ноги оближи, я их давно не мыл, — вставил прыщавый, и троица заржала.

Когда Таня все сделала, прыщавый обхватил ее голову бедрами, так что его обвисший член лег ее на лоб, и желтая дорожка мочи побежала по лицу девочки, перемешиваясь со спермой и слезами.

— А теперь иди сюда, — приказал морщинистый. — Будешь лизать мне жопу.

Он откинулся в кресле, высоко задрал зад, и она робко коснулась его ануса язычком.

— Да глубже, сука, — вспыхнул мужчина и отвесил ей оплеуху.

Девочка повиновалась.

— Ой, братва, — через минуту сказал он. — Надо облегчиться.

Они сразу смекнули, железной хваткой уложили ее на пол, несколько раз ударив по шее и в висок. Девочка обмякла, и морщинистый старательно испражнился ей на лицо.

— Зачем вырубил?

— Так рыпаться будет, ее держать, а ты нам на руки насрешь?

— Милтонс, ты нам продукт испортил, — зажимая нос, посетовал брюнет.

— А вы ее помойте.

И они стали мочиться на нее, размывая коричневую жижу.

Когда Елена Ивановна вернулась, Таня лежала недвижима на полу в луже мочи, совершенно голая и избитая до кровоподтеков. Ее лицо было перемазано калом.

«А ведь менты-то настоящие, не липовые,» — некстати подумала женщина. И ей почему-то стало легче.